

РОССИЯ-АФРИКА

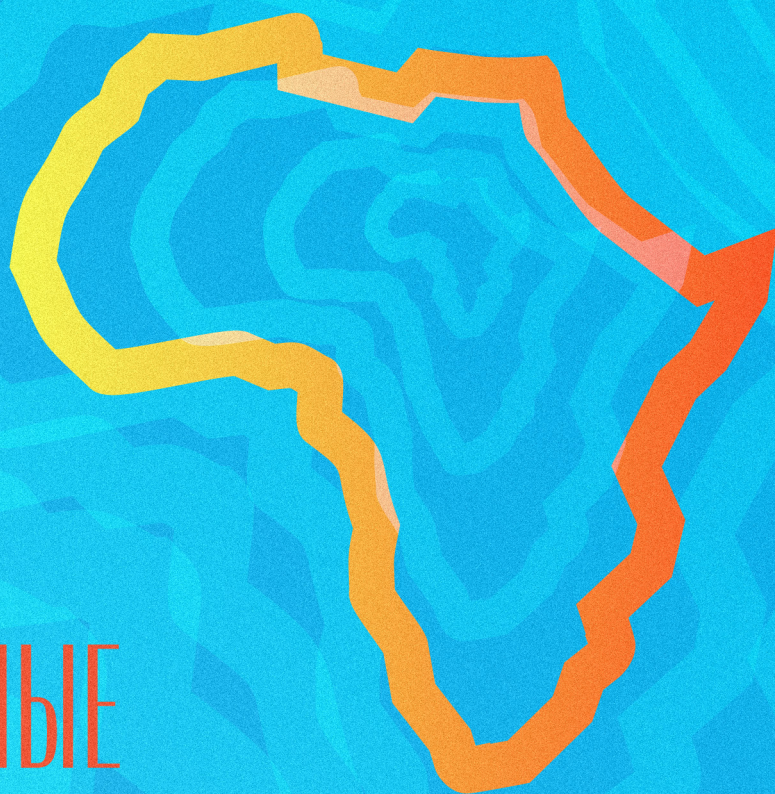
 РОСКОНГРЕСС
Пространство доверия

×

ВЕДОМОСТИ

×

 **ФИНАНСОВЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ КОНТУРЫ АФРИКИ

УСЛОВИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И МОДЕЛИ ПРИСУТСТВИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

О ПРОЕКТЕ

Доклад «Инвестиционные контуры Африки: условия, возможности и модели присутствия российского бизнеса» подготовлен к третьему саммиту «Россия – Африка». Предстоящая встреча и проводимый в ее рамках Экономический и гуманитарный форум ставят в центр внимания практические вопросы развития партнерства: расширение торговли и инвестиций, промышленную кооперацию, передачу технологий, укрепление продовольственной и энергетической безопасности, подготовку кадров. Для делового сообщества эта повестка означает необходимость перейти от обсуждения перспектив сотрудничества к определению условий, при которых совместные проекты могут состояться и обеспечить долгосрочный результат.

В этой постановке исследование развивает проблематику проекта «Глобальные идеи» делового издания «Ведомости» – поиска возможностей международного сотрудничества в условиях меняющегося миропорядка. Важной частью этой работы стала инициатива «Будущее миропорядка: между столкновением и сотрудничеством», запущенная «Ведомостями» совместно с фондом «Росконгресс» в 2025 г. Подготовленные в ее продолжение исследования объединили предложения экспертов о трансформации мировой экономики, развитии международного диалога и механизмах взаимодействия государств, бизнеса и институтов развития.

Настоящий доклад с географическим фокусом на Африканский континент переводит эту дискуссию в предметную плоскость российско-африканского экономического партнерства. Его центральный вопрос – каким образом заинтересованность в сотрудничестве может воплощаться в жизнеспособные инвестиционные проекты. Ответ требует не только оценки спроса и ресурсного потенциала, но и понимания того, как устроены транспортные связи, энергоснабжение, расчеты, регулирование и подготовка специалистов. Не менее существенно, кто контролирует создаваемые активы, как

распределяются доходы и какие возможности для дальнейшего развития получает принимающая экономика.

Африка рассматривается в исследовании не как единый рынок и не только как направление сбыта или источник сырья. Различия между странами, регионами и отраслями формируют несколько пересекающихся инвестиционных контуров: крупных потребительских рынков, логистических узлов, ресурсно-индустриальных и агропромышленных территорий, площадок производственной локализации, технологических и сервисных центров. Каждому из них соответствует собственное сочетание возможностей, ограничений и требований к инвестору. Поэтому исходной точкой анализа становится не абстрактный выбор «наиболее привлекательной страны», а задача, которую предполагается решить совместно с местными партнерами.

Такой подход позволяет связать интересы российского бизнеса с задачами развития африканских экономик. Поставка оборудования может становиться основой для создания сервисной сети и обучения специалистов; устойчивый спрос – предпосылкой локализации производства; освоение месторождения – частью проекта, включающего энергетику, транспорт и переработку. При этом углубление сотрудничества не должно рассматриваться как самоцель: каждый следующий шаг требует подтвержденной экономической целесообразности, понятного распределения ответственности и приемлемого соотношения риска и доходности.

Задача доклада – предложить участникам саммита, компаниям, институтам развития и экспертному сообществу аналитическую основу для такого выбора. Его вклад в обсуждение «Глобальных идей» состоит в переходе от общих принципов международного взаимодействия к условиям их практической реализации: какие компетенции востребованы, где возможно соединить ресурс, инфраструктуру и рынок, какая модель партнерства способна обеспечить устойчивость проекта. Именно на этом уровне идеи взаимовыгодного сотрудничества приобретают конкретное экономическое содержание.

С дополнительными материалами проекта «Глобальные идеи» можно ознакомиться, по QR-коду ниже или **ссылке**.

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГУМАНИТАРНОГО ФОРУМА «РОССИЯ – АФРИКА»!

Рады представить вам результаты нашего исследования, посвященного инвестиционному ландшафту Африканского континента. Сегодня Африка все заметнее включается в перераспределение международных инвестиционных потоков, связанное с развитием энергетики, инфраструктуры, добычи и переработки минерального сырья, ростом городских рынков и формированием новых производственных связей. По данным UNCTAD, в 2025 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Африку составили около \$70 млрд^[1].

Однако для российского бизнеса понятие «инвестиционная привлекательность страны» само по себе недостаточно для принятия решений. Крупный внутренний рынок может сочетаться с дорогой логистикой и валютными ограничениями.

Богатая минерально-сырьевая база может находиться на ранней стадии геологического изучения или требовать строительства энергетической и транспортной инфраструктуры. Небольшая экономика, напротив, может представлять интерес как морской, технологический или финансовый узел для работы с несколькими соседними рынками.

В докладе мы отказались от линейного ранжирования стран по единому показателю в пользу многомерного анализа. Мы исследуем инвестиционные профили государств через призму размера рынка, транспортной доступности, институциональной среды, человеческого капитала и возможностей интеграции.

Для нас важно не просто описать территорию, но и понять, кому принадлежат ключевые элементы инфраструктуры и где концентрируется создаваемый доход. Наша итоговая задача – предложить российским компаниям готовые, практически применимые комбинации формата «проект – территория – инфраструктура – модель присутствия».

Надеемся, что собранные в исследовании выводы и предложения зададут вектор для глубокого экспертного обсуждения, помогут укрепить взаимное доверие на мировой арене и откроют новые перспективные направления для взаимовыгодного партнерства.

ПАВЕЛ СЕЛЕЗНЕВ

**ДЕКАН ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ**

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Африканские экономики образуют не единую инвестиционную среду, а несколько пересекающихся контуров. Средние показатели по континенту скрывают гораздо больше, чем объясняют. Африканский банк развития оценивает рост экономики Африки в 4,4% в 2025 г. и прогнозирует 4,2% в 2026 г., но региональные траектории заметно различаются. В 2025 г. 22 экономики росли более чем на 5%^[2]. Для инвестора темп роста должен рассматриваться вместе с масштабом рынка, инфраструктурой, внешними ограничениями и отраслевой структурой. Потоки ПИИ и стоимость объявленных greenfield-проектов отражают разные стороны инвестиционного процесса. Первый показатель характеризует фактическое движение капитала, второй – заявленные объемы будущих вложений. Поэтому рост числа проектов при снижении их общей стоимости указывает прежде всего на дробление проектного капитала и уменьшение средней капиталоемкости, а не автоматически на расширение инвестиционного интереса.

1

Географическое положение приобретает экономическую ценность только при наличии работающей транспортной цепочки. Сам выход к морю не обеспечивает дешевую логистику. Необходимы портовые мощности, регулярные судоходные линии, предсказуемые пограничные процедуры и транспорт от порта к месту производства или потребления. Поэтому Египет и Марокко интересны не просто как приморские государства, а как экономики, где положение на морских маршрутах соединяется с портовой и промышленной инфраструктурой. Эфиопия показывает обратный случай. Крупный рынок и производственная база зависят от устойчивого доступа к портам соседних государств. Такое географическое преимущество одновременно может становиться источником ренты, связанной с выгодным положением и контролем над логистикой. Распределение этой ренты зависит от того, кто контролирует портовую и транспортную инфраструктуру, формирует тарифы и получает соответствующий доход – государство, национальные частные операторы, транснациональные компании или структуры, зарегистрированные в других юрисдикциях.

2

AfCFTA постепенно меняет экономический смысл национальной границы. Соглашение о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA) вступило в силу в 2019 г., практическая торговля в его рамках началась в 2021 г.^[3] Инвестиционный протокол был принят в 2023 г., однако создание единого инвестиционного пространства остается процессом, а не завершенным результатом^[4]. Для бизнеса это означает, что возможность обслуживать соседние рынки уже необходимо учитывать при выборе площадки, но нельзя исходить из предположения о полностью беспрепятственном континентальном перемещении товаров и капитала.

3

Формально благоприятный инвестиционный режим не гарантирует простоты реализации проекта. Всемирный банк в методологии Business Ready сознательно разделяет качество регулирования, государственные услуги и фактическую эффективность их применения. Это разделение особенно важно при анализе африканских рынков, где процедура получения земли, подключения к электричеству, прохождения таможи или конвертации валюты способна влиять на проект сильнее номинальной налоговой ставки^[5].

4

Ресурсный потенциал необходимо отделять от промышленной готовности месторождения. ДР Конго уже обладает добычей мирового масштаба и в 2025 г. обеспечивала около 73% мирового производства кобальта. В Гвинее в 2024 г. было произведено около 141,7 млн т бокситов в пересчете на сухой вес, тогда как выпуск глинозема составил лишь около 351 000 т. В Нигерии литевая отрасль только формирует более крупный промышленный контур. В 2024 г. в штате Насарава была введена первая крупная установка по переработке литевой руды мощностью 4000 т в сутки^[19–24]. Эти примеры соответствуют разным типам инвестиционной задачи и не могут сравниваться одним показателем «богатства ресурсами».

5

Недостаток инфраструктуры способен одновременно быть ограничением и источником инвестиционного спроса. По оценке Международного энергетического агентства, Северная Африка и ЮАР, располагая менее чем пятой частью населения континента, концентрируют более 45% энергетических инвестиций и свыше 65% установленных генерирующих мощностей. Около 600 млн жителей Африки все еще не имеют доступа к электроэнергии^[15]. Для промышленного инвестора это означает риск дополнительных затрат. Для энергетической, инженерной или инфраструктурной компании тот же дефицит способен формировать рынок.

6

Особая экономическая зона (ОЭЗ) создает ценность только тогда, когда льготы соединены с инфраструктурой и спросом. Исследование М. Амалитинги Абагны по Эфиопии выявило рост экономической активности примерно на 18% в районах, где начали работать специальные экономические зоны, однако статистически значимый эффект не распространился на соседние районы^[26]. Следовательно, наличие зоны необходимо оценивать вместе с загрузкой, транспортной доступностью, энергией, составом резидентов и связями с местной экономикой.

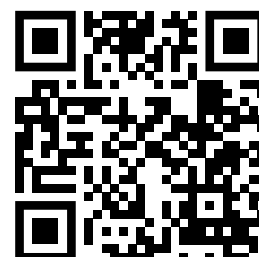
7

Для российского бизнеса рациональная последовательность начинается с отраслевой задачи, а не со списка государств. Экспорт и сервис, сборочная локализация, совместное предприятие, инфраструктурный контракт и добывающий проект с переработкой требуют разных условий. Российская позиция уже заметна в поставках удобрений и крупных энергетических проектах. В дальнейшей экспансии наибольший эффект может дать переход от отдельных поставок к устойчивым производственным, образовательным и сервисным связям там, где это подтверждается масштабом рынка и экономикой проекта.

8

1. АФРИКА: ОДИН КОНТИНЕНТ – РАЗНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ЛОГИКИ	09
2. ДОСТУП К РЫНКУ: РАССТОЯНИЕ ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ КИЛОМЕТРАМИ	13
3. ПРАВО, ДЕНЬГИ И ИНФРАСТРУКТУРА: РАЗРЕШЕНИЕ ИНВЕСТИРОВАТЬ ЕЩЕ НЕ ОЗНАЧАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ИНВЕСТИРОВАТЬ	17
4. РЕСУРС ЕСТЬ НЕ ТАМ, ГДЕ ОН ОБОЗНАЧЕН НА КАРТЕ, А ТАМ, ГДЕ ИЗ НЕГО МОЖНО СОЗДАТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ЦЕПОЧКУ	21
5. ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОФИЛИ: РАЗНЫЕ СТРАНЫ РЕШАЮТ РАЗНЫЕ ЗАДАЧИ ИНВЕСТОРА	25
6. РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: МОДЕЛЬ ПРИСУТСТВИЯ ВАЖНЕЕ ВЫБОРА СТРАНЫ	32
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТ ВЫБОРА СТРАНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО КОНТУРА	37
ИСТОЧНИКИ	39

Больше информации по теме можно найти в спецпроекте
«Инвестиционные возможности России и Африки» на сайте
«Ведомостей»

АФРИКА: ОДИН КОНТИНЕНТ – РАЗНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ЛОГИКИ

1.1. ПОЧЕМУ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ НЕ СВОДИТСЯ К ОДНОМУ ПОКАЗАТЕЛЮ

Понятие инвестиционной привлекательности удобно для первого приближения, но становится слишком широким при переходе к конкретному проекту. Темп экономического роста показывает динамику рынка, однако ничего не говорит о возможности вывезти прибыль. Вывоз прибыли является самостоятельным фактором инвестиционного решения. Его возможность определяется валютным режимом, налоговыми соглашениями, политическими рисками и правилами движения капитала. Для российского бизнеса в 2026 г. дополнительное значение имеют санкционные ограничения, доступ к международной платежной инфраструктуре, корреспондентским счетам и каналам трансграничных расчетов. Население определяет потенциальный масштаб спроса и рабочей силы, но не характеризует ее покупательную способность, квалификацию или территориальное распределение. Запасы сырья создают основу для добычи, но не гарантируют наличия дороги, электроснабжения, лицензии и возможности вывезти продукт.

Поэтому следует разделять как минимум три состояния. Первое характеризует текущую доступность рынка. Она показывает, насколько быстро компания способна юридически оформить деятельность, профинансировать ее, доставить оборудование, найти работников и начать продажи или производство. Второе отражает структурный потенциал на горизонте нескольких лет. Здесь важны демография, урбанизация, инфраструктурные программы, индустриализация и региональная интеграция. Третье представляет собой соответствие конкретному проекту. Даже сложная инвестиционная среда может быть экономически приемлемой для крупного добывающего объекта и одновременно не подходить небольшому производителю потребительских товаров.

Такая постановка соответствует современному подходу Всемирного банка к оценке деловой среды. Business Ready не пытается описать экономику одним нормативным показателем. В нем отдельно рассматриваются регулирование, государственные услуги и практическая эффективность, причем обследование 2025 г. охватывает 101 экономику и пока не является полностью универсальным массивом^[5]. Поэтому его показатели полезны как диагностические параметры, но недостаточны для составления единой таблицы инвестиционной «ценности» стран.

Сам масштаб международного интереса к Африке также требует осторожной интерпретации. Приток ПИИ в \$70 млрд в 2025 г. означает заметный объем капитала, однако на Африку пришлось около 4% мировых ПИИ. Проекты концентрируются прежде всего в энергетике, инфраструктуре, минеральном сырье и отдельных производственных сегментах^[1]. Поэтому рост притока капитала нельзя автоматически переводить в вывод о повсеместном улучшении условий для инвестора. Фактические потоки ПИИ и объявленные greenfield-проекты характеризуют разные стадии движения капитала. ПИИ отражают уже состоявшееся движение капитала, тогда как greenfield-проекты фиксируют заявленные планы вложений. Поэтому рост числа объявленных проектов при сокращении их общей стоимости скорее характеризует дробление проектов и уменьшение их средней капиталоемкости, что может быть связано с ростом рисков и издержек.

ТАБЛИЦА 1. ПАРАМЕТРЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОФИЛЯ СТРАНЫ

Область	Что необходимо оценивать	Экономический смысл для проекта
Рынок	население, доходы, урбанизация, импорт, государственный и корпоративный спрос	возможный масштаб продаж
Логистика	порт, регулярность судоходства, дороги, железные дороги, границы	стоимость и предсказуемость поставки
Право	доступ иностранного капитала, лицензии, земля, разрешения, арбитраж	исполнимость и защищенность проекта
Финансы	инфляция, валютный рынок, вывоз прибыли, финансирование	сохранение и движение стоимости
Ресурсы	разведанность, запасы, добыча, переработка	доступность сырья и глубина производственной цепочки
Инфраструктура	электроэнергия, вода, связь, производственные площадки	дополнительные капитальные и текущие расходы
Кадры	квалификация, профобразование, стоимость и доступность труда	глубина локализации
Интеграция	AfCFTA, региональные объединения, соседние рынки	возможность масштабирования

Источник: систематизация по методологии Всемирного банка, UNCTAD и отраслевым источникам^{[1], [5–7]}

1.2. КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ МАСШТАБ МЕНЯЕТ ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РЫНКА

AfCFTA постепенно расширяет значение производственной площадки за пределы внутреннего спроса принимающей страны. Соглашение охватывает торговлю товарами и услугами, правила происхождения и другие элементы экономической интеграции. Его стратегическая цель состоит в росте внутриафриканской торговли и формировании более связанного континентального рынка^[3].

Для инвестора практический эффект зависит от того, можно ли использовать конкретную страну как производственную базу для соседних рынков. Здесь приобретают значение ECOWAS в Западной Африке, Восточноафриканское сообщество, SADC на юге, COMESA в Восточной и Южной Африке

и существующие двусторонние режимы. При этом наличие интеграционного соглашения еще не означает отсутствия пограничных задержек, инфраструктурных разрывов или различий технического регулирования.

Экономическая география становится сетевой. Египет связан не только со своим крупным внутренним рынком, но и с Суэцким каналом, Средиземноморьем, Красным морем и ближневосточными цепочками. Кения представляет интерес одновременно как национальный рынок и как один из путей в Восточную Африку. Марокко соединяет промышленное производство с портовой системой и европейскими рынками. Замбия не имеет морского побережья, однако ее медный сектор включен в региональные транспортные и минеральные цепочки Центральной и Южной Африки.

Инвестиционный выбор в Африке следует строить не вокруг общего показателя привлекательности, а вокруг функции, которую территория выполняет в проекте. Страна может быть рынком сбыта, ресурсной базой, производственной площадкой, транспортным узлом или сочетать несколько ролей.

РЕЗЮМЕ
РАЗДЕЛА

ДОСТУП К РЫНКУ: РАССТОЯНИЕ ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ КИЛОМЕТРАМИ

2.1. ГЕОГРАФИЯ И ТРАНЗИТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Географическое деление Африки на Северную, Западную, Центральную, Восточную и Южную полезно для макроэкономического анализа, но недостаточно для инвестиционного решения. Две соседние страны могут иметь принципиально разную стоимость доступа к международным рынкам. Прибрежная территория с перегруженным портом и слабой дорогой во внутренние районы иногда оказывается менее удобной, чем государство без выхода к морю, располагающее устойчивым транзитным коридором.

Для внутриконтинентальных стран транспортная зависимость становится частью экономики любого крупного объекта. Эфиопия имеет крупное население, промышленную базу и систему специальных экономических зон, но внешняя торговля требует выхода через транспортную инфраструктуру соседних государств. Замбия соединена с портами через несколько региональных направлений, что повышает значение качества железных дорог и пограничных переходов. Для ресурсных проектов вопрос маршрута зачастую решается одновременно с разработкой месторождения.

Обратная ситуация наблюдается в странах, где морское положение соединяется с масштабной портовой системой. UNCTAD рассчитывает индекс линейной судоходной связанности на основе количества судов-заходов, контейнерных мощностей, числа регулярных сервисов и операторов, размера обслуживаемых судов и прямых международных соединений^[7]. В 2026 г. особенно развитую связанность на Африканском континенте сохраняет Египет благодаря расположению между Средиземным и Красным морями. Однако даже это преимущество не устраняет внешние риски. Сбои судоходства в Красном море заметно сказались на Суэцком канале, и восстановление его активности в 2026 г. происходило постепенно.

2.2. ПОРТ НЕ ГАРАНТИРУЕТ ДЕШЕВОЙ ЛОГИСТИКИ

Индекс эффективности логистики Всемирного банка оценивает не только инфраструктуру, но и таможенную, качество логистических услуг, международные перевозки, отслеживание и своевременность. Последний полный международный раунд опубликован за 2023 г. и охватывает 139 стран^[6]. Поэтому этот массив разумно использовать как структурный ориентир, а текущие изменения проверять по данным портов и транспортных операторов.

Марокко показывает, как порт превращается из точки перегрузки в элемент промышленной системы. Tanger Med в 2025 г. обработал 11,1 млн 20-футовых контейнерных эквивалентов, на 8,4% больше, чем годом ранее. Через автомобильные терминалы прошло более 526 000 машин, включая 327 600 автомобилей Renault и 126 900 Stellantis, произведенных в Марокко^[8]. Это уже не просто высокая пропускная способность. Порт связан с производством, экспортными предприятиями и автомобильным кластером.

Кенийский порт Момбаса выполняет другую функцию. Он обслуживает не только Кению, но и грузопотоки в направлении Уганды, Руанды, Бурунди, восточной части ДР Конго, Южного Судана и других территорий региона. Тем самым стоимость размещения предприятия в Кении должна сопоставляться не только с внутренним спросом, но и с возможностью регионального распределения продукции^[9].

Нигерия демонстрирует развитие новой портовой инфраструктуры вокруг крупнейшего внутреннего рынка Западной Африки. Глубоководный порт Лекки введен в эксплуатацию в 2023 г. в форме государственно-частного проекта. Проектная контейнерная мощность составляет около 2,7 млн

20-футовых эквивалентов в год^[10]. Его инвестиционный эффект зависит от того, насколько развитие портовых мощностей будет синхронизировано с дорогами, промышленными зонами и городской логистикой Лагосской агломерации.

Эти случаи показывают три разные модели. Tanger Med встроен в экспортное промышленное производство. Момбаса выполняет выраженную региональную транзитную функцию. Лекки расширяет пропускную способность рядом с огромным внутренним рынком и формирующимися промышленными зонами.

Эти логистические модели различаются не только по функциям, но и по распределению дохода. Выгодное положение, ограниченная пропускная способность и контроль над портом, терминалами и транзитными коридорами способны формировать логистическую ренту. Ее распределение зависит от структуры собственности и управления инфраструктурой. Поэтому Tanger Med, Момбаса и Лекки различаются не только по роли в транспортных цепочках, но и по тому, кто контролирует соответствующие активы и получает доход от их использования.

ТАБЛИЦА 2. ГЕОГРАФИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОСТУПА

Тип территории	Характерные примеры	Возможность	Основное ограничение
Средиземноморский и межморской узел	Египет, Марокко	международные линии, близость к Европе и Ближнему Востоку	зависимость от состояния мировых маршрутов
Восточноафриканский морской вход	Кения, Танзания, Джибути	обслуживание собственного и соседних рынков	состояние внутренних коридоров и границ
Крупный прибрежный рынок	Нигерия	сочетание внутреннего спроса и портовой инфраструктуры	перегрузка городской и наземной логистики
Внутриконтинентальная производственная экономика	Эфиопия, Замбия	крупный рынок или ресурсная специализация	зависимость от транзитных государств
Южноафриканский промышленный контур	ЮАР и соседние рынки	сочетание портов, промышленности и регионального спроса	неоднородность инфраструктуры внутри региона

Источник: систематизация по World Bank LPI, UNCTAD LSCI, данным портовых администраций^[6–10]

2.3. КЛИМАТ И ВОДА КАК ПАРАМЕТРЫ ЭКОНОМИКИ ПРОЕКТА

Климатическая «привлекательность» не существует вне отраслевого контекста. Высокая инсоляция может быть преимуществом для генерации электроэнергии и одновременно повышать потребность в охлаждении и воде. Сезонные осадки важны для сельского хозяйства, но могут создавать риски для дорожной инфраструктуры. Водный дефицит способен ограничивать металлургию, химическую промышленность, сельское хозяйство и рост городов.

FAO AQUASTAT содержит более 180 показателей, связанных с водными ресурсами, водопользованием и орошением. Для сельскохозяйственного проекта необходимо рассматривать не площадь пригодных земель саму по себе, а обеспеченность водой, потребность в ирригации, осадки, испаряемость и возможности хранения продукции^[11].

Отсюда возникает важное различие между североафриканской и тропической моделями агропромышленного проекта. В засушливых районах доступ к воде и стоимость ирригации могут определять допустимый набор культур. В ряде стран Восточной и Центральной Африки проблема заключается не столько в абсолютном дефиците воды, сколько в сезонности, транспортной инфраструктуре, системах хранения и доступности современных средств производства.

Расстояние до рынка должно измеряться временем, стоимостью и надежностью всей цепочки. География создает исходное преимущество, но экономическим преимуществом она становится только после соединения порта, дороги, границы, энергии и производственной площадки. Расстояние и географическое положение влияют на экономику проекта также через логистическую ренту. Преимущество территории определяется не только временем, стоимостью и надежностью перевозок, но и структурой собственности на инфраструктуру, механизмами контроля и распределением дохода от ее использования.

РЕЗЮМЕ
РАЗДЕЛА

ПРАВО, ДЕНЬГИ И ИНФРАСТРУКТУРА: РАЗРЕШЕНИЕ ИНВЕСТИРОВАТЬ ЕЩЕ НЕ ОЗНАЧАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ИНВЕСТИРОВАТЬ

3.1. ФОРМАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И ФАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

Инвестиционное законодательство отвечает на вопрос, что разрешено. Для бизнеса столь же важно понять, сколько времени и ресурсов потребуются, чтобы разрешенное действие стало реальной операцией. Регистрация предприятия, получение участка, экологические процедуры, строительное разрешение, подключение к сетям и таможенное оформление находятся на разных административных уровнях и могут иметь разную степень цифровизации.

Именно поэтому Всемирный банк в Business Ready разделяет нормативные положения и практическую эффективность. Даже качественное регулирование способно давать слабый результат, если компания сталкивается с дефицитом государственных услуг или высокой стоимостью исполнения требований^[5]. Для инвестора этот разрыв представляет собой не абстрактную институциональную проблему, а дополнительное время до начала выручки и необходимость увеличивать финансовый резерв проекта.

Специальные экономические зоны пытаются уменьшить этот разрыв, собирая землю, инфраструктуру, льготы и административные процедуры в одном контуре. В Эфиопии Vole Lemi работает с 2014 г. и располагает 20 производственными корпусами. Adama действует с 2018 г. и специализируется в том числе на машиностроении и легкой промышленности. Debre Birhan работает с 2019 г. и ориентирована на текстиль, одежду и агропереработку^[25].

Однако зона не должна оцениваться по перечню льгот. Работа М. Амалитинги Абагны показывает положительный локальный эффект эфиопских ОЭЗ, но отсутствие устойчивого эффекта для соседних районов^[26]. Это означает, что зона способна создать эффективный «остров» производства, не превращая автоматически всю окружающую территорию в промышленный кластер.

Нигерия использует более разветвленную систему свободных зон. NEPZA сообщает более чем о 40 зонах и 580 зарегистрированных предприятиях. При этом собственная статистика ведомства за более ранний период показывала заметную разницу между зарегистрированными, работающими и еще не начавшими деятельность предприятиями^[27]. Следовательно, число зон или резидентов необходимо дополнять данными об их фактической работе.

3.2. ВАЛЮТНАЯ СРЕДА

Инвестиционный проект создает доход в определенной валюте. Возможность купить оборудование, обслуживать внешний долг, импортировать комплектующие и переводить прибыль зависит от валютного рынка не меньше, чем от налогов.

Вывоз прибыли является частью инвестиционного режима и зависит от валютной ликвидности, правил движения капитала, налоговых соглашений, политических рисков и доступности трансграничных расчетов. Для российского инвестора в 2026 г. эти условия осложняются санкционным давлением, ограничениями на использование SWIFT и корреспондентских счетов, а также необходимостью искать альтернативные каналы платежей. Поэтому доходность проекта непосредственно связана с реальной возможностью вывоза прибыли и возврата капитала.

Нигерия за последние годы провела значительную перестройку валютного режима. МВФ в консультации 2026 г. отмечает улучшение макроэкономических результатов после реформ и поддерживает движение к гибкому валютному курсу. Одновременно сохраняются отдельные валютные ограничения и меры регулирования капитальных потоков, которые фонд рекомендует постепенно отменять по мере стабилизации условий^[12]. Для инвестора это пример рынка, где направление реформ улучшилось, но исторический валютный риск еще нельзя считать исчезнувшим.

Еще более показателен переход Эфиопии. В июле 2024 г. власти перешли к более гибкому, рыночному курсообразованию и пересмотрели валютное регулирование. В январе 2026 г. запущена автоматизированная межбанковская торговая площадка, а в феврале правила вновь смягчились. МВФ фиксировал повышение валютной ликвидности и сокращение разрыва между официальным и параллельным курсами, хотя процесс реформирования еще продолжается^[13].

Египет также использует более гибкий валютный курс как механизм адаптации к внешним потрясениям. МВФ отмечал, что в 2026 г. гибкость курса помогла экономике выдержать внешнее давление, но высокий государственный долг, значительные потребности бюджета в финансировании и большая роль государства продолжают ограничивать пространство частного сектора^[14].

Таким образом, валютная либерализация не означает мгновенного устранения валютного риска. Она меняет его форму. Вместо административного дефицита иностранной валюты инвестор может получить более значительную курсовую волатильность. Для долгосрочного проекта это требует сценарного расчета, локальных источников доходов и осторожного выбора структуры финансирования.

3.3. ЭНЕРГИЯ, ВОДА И КАДРЫ

Инвестиционная площадка становится производственной только после подключения к энергии, воде и связи. Разрыв между странами Африки по этому параметру остается значительным. Международное энергетическое агентство оценивает число жителей континента без доступа к электроэнергии примерно в 600 млн человек. При этом частные вложения в чистую энергетику выросли с около \$17 млрд в 2019 г. почти до \$40 млрд в 2024 г.^[15]

Это сочетание дефицита и растущих инвестиций создает неоднородную картину. Одни территории обладают устойчивой генерацией и сетями. На других крупный промышленный проект фактически должен закладывать собственное энергоснабжение.

Кадровый фактор устроен сходным образом. Большая численность молодого населения создает предложение труда, но не гарантирует наличия нужной квалификации. Второй континентальный доклад UNESCO, African Union и UNICEF показывает, что более 100 млн детей и молодых людей в Африке остаются вне системы образования, а результаты обучения развиваются медленно^[18].

Нигерия дает особенно наглядный пример. Nigeria Governors' Forum в исследовании 2024 г. подчеркивает чрезвычайно молодую возрастную структуру населения и одновременно масштабную проблему детей вне школы^[16]. Материалы UNICEF дополнительно показывают сильные различия между штатами, городскими и сельскими территориями и социальными группами^[17]. Для инвестора это означает, что анализ кадров должен проводиться на уровне конкретного региона размещения, а расходы на обучение и профессиональную подготовку нужно включать в проект заранее.

Институциональная привлекательность проявляется не в декларативной открытости для капитала, а в способности проекта получить землю, разрешения, электричество, валюту и работников в предсказуемые сроки. Именно эти параметры превращают законодательное право инвестировать в фактическую возможность вести производство.

РЕЗЮМЕ
РАЗДЕЛА

РЕСУРС ЕСТЬ НЕ ТАМ, ГДЕ ОН ОБОЗНАЧЕН НА КАРТЕ, А ТАМ, ГДЕ ИЗ НЕГО МОЖНО СОЗДАТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ЦЕПОЧКУ

4.1. СТЕПЕНИ ОСВОЕННОСТИ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ

Ресурсные карты создают риск методологической ошибки. Геологическое проявление, оцененный ресурс, подтвержденные запасы, действующий рудник и готовая металлургическая цепочка относятся к разным стадиям экономического освоения.

Для целей инвестиционного анализа целесообразно различать шесть состояний.

Геологические признаки —> разведанный ресурс —> подтвержденное промышленное месторождение —> действующая добыча —> первичная переработка —> развитая производственная цепочка.

Каждая следующая стадия обычно уменьшает геологическую и инфраструктурную неопределенность, но одновременно сокращает пространство для получения дохода за счет раннего входа. Поэтому ранняя стадия сама по себе не является недостатком. Она просто требует другой компетенции, другого горизонта вложений и иной допустимой нормы риска.

ДР Конго представляет зрелую добывающую основу по меди и кобальту. В 2024 г. страна обеспечивала около 75% мировой добычи кобальта, а в 2025 г., по оценке USGS, около 73%. Одновременно в 2025 г. власти сначала ограничили экспорт, а затем заменили временный запрет квотами^{[19], [20]}. Следовательно, высокий уровень добычи уменьшает геологическую неопределенность, но не исключает регуляторного риска.

Замбия находится в иной конфигурации. В 2024 г. производство меди в руде составляло около 712 000 т, а первичная выплавка – около 684 000 т. Здесь уже существует промышленная и металлургическая база, поэтому пространство для инвестора связано не только с открытием новых месторождений, но и с расширением мощностей, модернизацией, энергетикой и инфраструктурой существующего медного пояса^[21].

Гвинея иллюстрирует разрыв между добычей и более глубокой переработкой. В 2024 г. страна обеспечивала около трети мировой добычи бокситов. Выпуск руды в сухом весе достиг 141,7 млн т, тогда как выпуск глинозема составил около 351 000 т. Разница масштабов показывает, почему политика локальной переработки приобретает для правительства самостоятельное значение^[22].

Намибия располагает более диверсифицированным набором добывающих производств. По данным USGS, в 2024 г. выпуск урана составлял около 7300 т наряду с добычей алмазов, золота, литиевого сырья и других минералов^[23]. Для инвестора это иная среда, чем раннее геологическое освоение. Основная задача смещается к модернизации, новым объектам, энергетике и обеспечивающей инфраструктуре.

4.2. ГДЕ МЕЖДУ МЕСТОРОЖДЕНИЕМ И КОНЕЧНЫМ ПРОДУКТОМ ВОЗНИКАЕТ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ИНВЕСТОРА

Нигерия интересна как пример переходной стадии. Исследования отдельных штатов, включая Тарабу, давно указывали на разнообразие твердых полезных ископаемых при высокой роли малой и кустарной добычи^[30]. Более свежая статистика USGS показывает, что отрасль начинает переходить к крупным перерабатывающим объектам. В 2024 г. в штате Насарава введено предприятие по переработке литиевой руды мощностью 4000 т в сутки, которое USGS характеризует как первый крупный объект такого рода в стране^[24].

Это важнее самой формулировки о «наличии лития». Инвестиционное окно находится между геологией и производственной системой. Оно может включать разведку, обогащение, электричество, дороги, лабораторную инфраструктуру, подготовку специалистов и дальнейшую переработку. Чем больше этих элементов отсутствует, тем выше потенциальная добавленная стоимость проекта, но одновременно выше объем капитала, который инвестор должен вложить до получения товарного продукта.

ТАБЛИЦА 3. РАЗНЫЕ СТАДИИ РЕСУРСНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СРЕДЫ

Контур	Пример	Текущая стадия	Возможное пространство проекта	Ограничение
Крупная действующая добыча	ДР Конго, медь и кобальт	добыча мирового масштаба	переработка, инфраструктура, оборудование	регуляторные решения, логистика, энергетика
Развитая региональная металлургическая база	Замбия, медь	добыча и выплавка	расширение, модернизация, энергия	капиталоемкость и транспорт
Массовая добыча при ограниченной глубине переработки	Гвинея, бокситы	крупный экспорт сырья	глинозем, энергия, транспорт	огромная потребность в инфраструктуре
Диверсифицированная добывающая экономика	Намибия	действующие промышленные объекты	новые рудники, сервис, энергетика	масштаб внутреннего рынка
Формирующаяся отрасль	Нигерия, литиевое сырье	переход к промышленной переработке	разведка, обогащение, переработка	качество геологических данных и инфраструктура

Источник: USGS Mineral Commodity Summaries 2026 и страновые материалы USGS^[19–24]

4.3. АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОНТУР

В сельском хозяйстве ресурсная ошибка принимает другую форму. Площадь сельскохозяйственных земель сама по себе не определяет производительность. Экономический результат создает сочетание воды, семян, удобрений, техники, хранения, переработки и транспортной доступности.

Эфиопия представляет интерес не только как крупный производитель кофе и другой сельскохозяйственной продукции, но и как рынок повышения производительности. Международный торговый центр в проекте для кофейных кооперативов показывал возможность использования цифрового планирования и прослеживаемости для десятков тысяч фермеров. Такой пример важен не масштабом одного проекта, а характером спроса. Модернизация аграрного сектора включает не только поставку сырья или техники, но и управление производством, обучение, хранение и контроль качества.

Для России этот контур особенно значим благодаря уже существующей позиции на рынке удобрений. Всеволод Свиридов и Тамара Андреева оценивают долю российских поставщиков примерно в 20% африканского рынка удобрений в анализируемый ими период^[29]. Авторы связывают долгосрочную продовольственную устойчивость не только с импортом готового продовольствия, но и с развитием местного производства. Для российских компаний это создает возможность постепенного перехода от поставки продукта к агротехнологическому сервису, логистике, профессиональной подготовке и, где это экономически оправданно, локальным производственным цепочкам.

Здесь особенно опасна попытка распространить одну модель на весь континент. В одной стране ограничением будет вода, в другой – низкая интенсивность внесения удобрений, в третьей – потери после сбора урожая или отсутствие холодильной логистики. Поэтому агропромышленный проект необходимо строить от конкретного производственного узкого места.

Наличие природного ресурса создает только исходную предпосылку. Инвестиционная ценность возникает там, где возможно экономически соединить ресурс, инфраструктуру, переработку и рынок. Чем раньше стадия освоения, тем больше потенциальный диапазон проекта и тем выше ответственность инвестора за создание окружающей производственной системы.

РЕЗЮМЕ
РАЗДЕЛА

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОФИЛИ: РАЗНЫЕ СТРАНЫ РЕШАЮТ РАЗНЫЕ ЗАДАЧИ ИНВЕСТОРА

5.1. КРУПНЫЙ ВНУТРЕННИЙ РЫНОК

Нигерия, Египет и ЮАР представляют разные варианты крупного рынка. Общей чертой является возможность строить экономику проекта вокруг внутреннего спроса. Различия проявляются в отраслевой структуре, покупательной способности, валютном режиме, энергетике и логистике.

Нигерия соединяет демографический масштаб с быстрым развитием отдельных городских рынков. Однако МВФ среди направлений дальнейших реформ прямо называет электроэнергетику, инфраструктуру, человеческий капитал, безопасность и сельское хозяйство^[12]. Это означает, что масштаб рынка должен компенсировать дополнительные операционные расходы. Российскому производителю, ориентированному на массового потребителя, такое сочетание может диктовать постепенный вход через дистрибуцию и сервис до принятия решения о собственном заводе.

Египет сочетает большой внутренний спрос с доступом к Средиземному и Красному морям и развитой инфраструктурой крупных государственных проектов. С другой стороны, частный инвестор должен учитывать значительные государственные потребности в финансировании и конкуренцию государства с частным сектором за ресурсы^[14]. Египет поэтому представляет не просто «крупный рынок», а рынок, где масштаб спроса соединяется с сильной ролью государства.

ЮАР отличается более глубокой промышленной и финансовой инфраструктурой и способна выполнять функцию корпоративной базы для операций в Южной Африке. Для нее более важен не абсолютный дефицит институтов, а стоимость и надежность отдельных инфраструктурных элементов, состояние энергетики и темпы роста.

5.2. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЛОГИСТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

Логистический профиль возникает, когда территория позволяет обслуживать рынок, значительно превосходящий ее собственный внутренний спрос. Египет получает это свойство благодаря Суэцкому каналу и системе портов на двух морях. Марокко соединяет морскую связанность с экспортным производством, что особенно наглядно демонстрирует Tanger Med. Кения использует Момбасу как вход для части Восточной и Центральной Африки. Джибути имеет небольшую собственную экономику, но его инвестиционное значение определяется транзитной функцией.

Такой профиль подходит складским комплексам, распределительным центрам, сборочным производствам, экспортно ориентированной переработке и транспортному сервису. Его слабое место состоит в том, что часть экономической ценности создается внешними потоками. Нарушение международного маршрута, ухудшение отношений с соседями или сбой на пограничном переходе способны резко изменить привлекательность проекта.

Региональный логистический узел отличается не только масштабом грузопотоков, но и структурой контроля над ключевой инфраструктурой. Порт или транспортный коридор может располагаться на территории государства, тогда как управление, тарифная политика и значительная часть дохода зависят от иностранных операторов или компаний из других юрисдикций. Поэтому физическое расположение актива само по себе не означает национального контроля над денежными потоками и логистической рентой.

5.3. РЕСУРСНО-ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОНТУР

ДР Конго, Замбия, Гвинея, Намибия и Нигерия показывают пять разных стадий ресурсной экономики. Поэтому российской компании недостаточно выбрать сырьевой товар. Необходимо определить, какое место в отрасли она способна занять.

В ДР Конго проект входит в уже существующий мировой рынок добычи, где большой объем производства соседствует с высокой значимостью государственного регулирования и инфраструктуры. В Замбии возможно развитие рядом с действующим медно-металлургическим комплексом. В Гвинее привлекательна задача сокращения разрыва между добычей бокситов и более глубокой переработкой. В Намибии существуют работающие промышленные рудники и проекты в нескольких видах сырья. В Нигерии отдельные сегменты еще переходят от геологической перспективы к промышленному масштабу.

Для российского бизнеса этот профиль может быть связан с геологоразведкой, горным оборудованием, энергетикой, проектированием, металлургическими технологиями, подготовкой кадров и сервисом. При этом прямое владение месторождением является лишь одной из возможных моделей и далеко не всегда наиболее рациональной.

5.4. АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОНТУР

Эфиопия, Кения, Танзания, Замбия и ряд стран Западной Африки могут рассматриваться как разные варианты агропромышленной инвестиционной среды. Общим является не тип сельского хозяйства, а пространство для повышения производительности и добавленной стоимости внутри страны. Наиболее очевидный российский интерес связан с удобрениями, сельхозтехникой и зерновыми цепочками. Однако более устойчивое присутствие возникает, когда поставка товара дополняется сервисом, агрономической поддержкой, обучением, хранением, ирригацией и переработкой.

Для Эфиопии дополнительное значение имеют индустриальные зоны, допускающие агропереработку. Debre Birhan официально включает ее в перечень допустимых направлений^[25]. Это создает возможность связать сельскохозяйственный ресурс с промышленной площадкой, хотя валютная и транспортная среда по-прежнему требует отдельного анализа.

5.5. ПЛОЩАДКА ПРОМЫШЛЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Промышленная локализация требует более строгого набора условий, чем экспорт. Нужны земля, энергия, работники, таможенный режим, доступ к комплектующим и достаточно крупный рынок.

В Эфиопии государство создало сеть промышленных парков, часть которых получила статус специальных экономических зон. Bole Lemi располагается непосредственно в Аддис-Абебе. Adama находится примерно в 74 км от столицы и имеет специализацию, включающую машиностроение. Debre Birhan сочетает текстиль и агропереработку^[25]. Исследование их экономического эффекта показывает, что наличие зоны действительно способно стимулировать активность на территории размещения, но само по себе не создает широкого регионального промышленного эффекта^[26].

В Нигерии промышленная локализация развивается в иной институциональной среде. Система свободных зон включает специализированные промышленные, технологические, логистические и портовые площадки^[27]. Близость Лекки к глубоководному порту делает особенно интересной связку промышленной зоны и морской инфраструктуры.

Марокко демонстрирует более зрелую форму того же принципа. Объемы автомобильного экспорта через Tanger Med показывают, что порт может стать частью производственного кластера, а не только транспортным объектом^[8]. Для российского предприятия это важное различие. Льготы зоны полезны, но долговременный эффект создает сочетание поставщиков, кадров, логистики и рынка.

5.6. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕРВИСНЫЙ УЗЕЛ

Кения, ЮАР, Руанда и Маврикий представляют разные формы экономики, где инвестиционная функция может опираться на услуги, цифровую инфраструктуру, образование и корпоративное управление.

Кенийский Konza Technopolis показывает государственную попытку превратить технологическую специализацию в пространственно организованный инвестиционный проект. Территория в 5000 акров развивается как специальная экономическая зона и научно-технологический город.

В 2024 г. Кения заключила с Республикой Кореей соглашение о финансировании Digital Media City на \$284,1 млн^[28]. Это пример того, как иностранное финансирование направляется не только на базовую инфраструктуру, но и на создание отраслевого центра компетенций.

Для России подобные территории могут представлять интерес в образовательных технологиях, инженерных услугах, информационных системах, кибербезопасности, облачной инфраструктуре и профессиональной подготовке. Однако технологический проект требует иного механизма входа, чем добыча или тяжелая промышленность. Здесь ценность создается доступом к специалистам, университетам, предпринимательской среде и заказчикам.

5.7. ИНФРАСТРУКТУРНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ РЫНОК

Наиболее общий инвестиционный профиль Африки связан с дефицитом инфраструктуры. Но он также наиболее неоднороден. Спрос на электроэнергию сам по себе не делает энергетический объект окупаемым. Необходим платежеспособный покупатель, устойчивый тариф, сеть и приемлемая стоимость капитала.

Международное энергетическое агентство показывает заметный рост частных инвестиций в чистую энергетику, но подчеркивает их географическую концентрацию^[15]. Это означает, что российские компании должны различать рынки, где целесообразен самостоятельный коммерческий проект, и рынки, где инфраструктура требует межгосударственного финансирования, государственных гарантий или участия международных институтов.

АЭС «Эль-Дабаа» представляет наиболее масштабный современный пример российской технологической модели в Африке. Станция состоит из четырех энергоблоков ВВЭР-1200. В 2026 г. строительство продолжалось на всех четырех блоках, велась поставка основного оборудования и подготовка персонала, а египетская сторона готовилась к получению ядерного топлива в 2027 г.^[33] Проект включает не только строительство станции, но и подготовку кадров, инфраструктуру и многолетнее технологическое взаимодействие. Именно последнее отличает долгосрочное инвестиционно-технологическое присутствие от обычной поставки оборудования.

Таблица 4 фактически отражает систему пересекающихся инвестиционных профилей, а не строгую классификацию стран. Одна и та же страна может одновременно выполнять несколько функций. Экономическое содержание каждого профиля при этом зависит также от структуры собственности, центров принятия решений, тарифной политики и распределения ресурсной, инфраструктурной или логистической ренты.

ТАБЛИЦА 4. ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОФИЛИ СТРАН АФРИКИ

Профиль	Экономическая функция	Примеры	Наиболее подходящие направления	Характерное ограничение
Крупный внутренний рынок	спрос и эффект масштаба	Нигерия, Египет, ЮАР	товары, производство, фармацевтика, услуги	валюта, инфраструктура, неоднородность спроса
Региональный логистический узел	обслуживание нескольких рынков	Египет, Марокко, Кения, Танзания, Джибути	логистика, сборка, переработка, распределение	зависимость от международных и сухопутных коридоров
Ресурсно-индустриальный контур	доступ к минеральной базе	ДР Конго, Замбия, Гвинея, Намибия, Нигерия	добыча, переработка, оборудование, энергетика	инфраструктура и отраслевое регулирование
Агропромышленный контур	повышение производительности и переработки	Эфиопия, Кения, Танзания, Замбия	удобрения, техника, хранение, переработка	вода, логистика, финансирование фермеров
Площадка локализации	производство для национального и регионального рынка	Египет, Марокко, Эфиопия, Нигерия, Кения	сборка, машиностроение, пищевое производство	реальная эффективность ОЭЗ и поставщиков
Технологический и сервисный узел	услуги и знания	Кения, ЮАР, Руанда, Маврикий	цифровые решения, образование, инженерные услуги	размер локального спроса и конкуренция за специалистов
Инфраструктурно-энергетический рынок	покрытие инвестиционного дефицита	различные страны Северной, Восточной и Южной Африки	электроэнергетика, транспорт, вода	финансирование и платежеспособность заказчика

Источник: систематизация автора по [1–29]

Одна и та же страна закономерно появляется в нескольких строках, поскольку таблица 4 представляет систему пересекающихся инвестиционных профилей, а не строгую классификацию. Египет одновременно является крупным рынком, логистической площадкой, территорией промышленной локализации и инфраструктурно-энергетическим рынком. Кения соединяет транспортную, технологическую и агропромышленную функции. Нигерия сочетает масштаб спроса, ресурсные возможности и систему ОЭЗ. Экономическое содержание этих профилей дополнительно зависит от того, кто контролирует ключевые активы и получает создаваемый доход.

Различия африканских стран точнее описываются через пересекающиеся инвестиционные профили, чем через единую шкалу или жесткую типологию. Одинаковая логистическая, ресурсная или инфраструктурная функция может иметь разный экономический смысл в зависимости от структуры собственности, контроля над активами и места, где аккумулируется доход.

РЕЗЮМЕ
РАЗДЕЛА

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: МОДЕЛЬ ПРИСУТСТВИЯ ВАЖНЕЕ ВЫБОРА СТРАНЫ

6.1. ЭКСПОРТ, ДИСТРИБУЦИЯ И СЕРВИС

Наиболее осторожная модель начинается с экспортной поставки и развития местной дистрибуции. Она оправдана, когда рынок еще недостаточно изучен, объем продаж не обеспечивает загрузку производства или стоимость локализации превышает тарифно-логистическую экономию.

Однако экспортная модель не должна заканчиваться продажей товара. Для оборудования, техники, медицинских систем, энергетических решений и сложной промышленной продукции наличие запчастей, гарантийного обслуживания и местных специалистов часто определяет конкурентоспособность сильнее первоначальной цены.

Для российского бизнеса такой путь особенно полезен как способ проверить рынок. Сначала формируется поток продаж и сервис. Затем создается склад или представительство. При достижении устойчивого объема можно переходить к сборке либо локальному производству.

6.2. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Локализация приобретает смысл при совпадении трех условий. Существует достаточный рынок. Импорт конечной продукции несет заметные транспортные или тарифные расходы. Принимающая страна предоставляет площадку, на которой производство не требует создания большей части инфраструктуры с нуля.

AfCFTA усиливает потенциальную отдачу от локализации, поскольку завод теоретически может обслуживать несколько рынков. Но это преимущество появляется только тогда, когда продукция удовлетворяет правилам происхождения, границы работают предсказуемо, а внутрирегиональная логистика не уничтожает тарифную экономию.

Марокканская модель показывает значение промышленного кластера вокруг экспорта. Эфиопские и нигерийские ОЭЗ показывают более ранние стадии создания такой среды. Поэтому понятие «локализация в Африке» должно разбиваться на конкретные разновидности. Сборочная площадка, завод полного цикла и экспортное предприятие в ОЭЗ предъявляют разные требования к поставщикам и рынку.

6.3. СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Совместное предприятие рационально там, где местный партнер привносит ресурс, который невозможно эффективно купить как услугу. Это может быть доступ к лицензии, земле, сбытовой сети, сырью, инфраструктуре или отраслевой компетенции.

Создавать совместное предприятие только ради наличия местного совладельца нецелесообразно. Такая структура увеличивает число центров принятия решений и создает дополнительный корпоративный риск. Партнерство оправданно, если роль каждой стороны заранее определена и экономически измерима.

Особенно значимо это в добывающих, инфраструктурных и агропромышленных проектах, где отношения с государственными структурами, местными поставщиками и землепользователями составляют часть самого производственного процесса.

6.4. ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПРОЕКТ

Крупная инфраструктура требует гораздо более длительной модели присутствия. Проектирование, поставка оборудования и строительство дополняются финансированием, обучением, многолетним сервисом и зачастую эксплуатационным участием. Опыт «Эль-Дабба» показывает, что наиболее глубокая форма российско-африканского взаимодействия возникает там, где поставляется не единичный продукт, а технологическая система. Подготовка кадров и сопровождение эксплуатации формируют отношения на десятилетия^[33].

Аналогичная логика применима к электросетям, водоснабжению, железнодорожной инфраструктуре и крупным промышленным объектам. При этом проект должен выдерживать не только техническую, но и финансовую проверку. Если плательщиком является государство или государственная компания, необходимо оценивать долговую устойчивость, тарифную систему и источник валютной выручки.

6.5. РЕСУРСНЫЙ ПРОЕКТ С ПЕРЕРАБОТКОЙ

Простая покупка сырья и инвестиции в добычу – принципиально разные стратегии. Вторая требует права пользования недрами, геологической работы, инфраструктуры, экологического управления, энергетики и отношений с местными территориями.

Современная африканская промышленная политика все чаще ориентирована на увеличение доли переработки внутри страны. Гвинейский пример особенно показателен. Огромный объем добычи бокситов соседствует с гораздо меньшим выпуском глинозема, а разногласия государства с отдельными операторами уже затрагивали обязательства по строительству перерабатывающих мощностей^[22].

Поэтому наиболее устойчивой моделью для внешнего инвестора становится не обещание максимальной глубины переработки, а экономически обоснованная последовательность. Сначала должна существовать достаточная сырьевая база и инфраструктура. Затем первичная переработка. Более глубокая стадия добавляется при наличии энергии, рынка, технологий и приемлемой логистики.

6.6. СООТВЕТСТВИЕ РОССИЙСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ПРОФИЛЯМ

Российское предложение для Африки имеет выраженную отраслевую структуру. Наиболее естественная основа связана с энергетикой, атомными технологиями, минеральными удобрениями, геологией, добывающей промышленностью, металлургией, машиностроением, транспортными решениями и образованием.

В агропромышленной сфере уже существует товарная база. Доля российских поставщиков удобрений на африканском рынке, оцененная в исследовании Всеволода Свиридова и Тамары Андреевой примерно в 20%, показывает, что российский бизнес входит не с нулевой позиции^[29]. Следующая задача состоит в расширении сервисной части, работе с локальными производителями, обучении и точечной локализации там, где она имеет экономический смысл.

В энергетике преимуществом становится способность работать с крупными интегрированными проектами. В добывающем секторе российские компетенции могут применяться не только через приобретение активов, но и через геологоразведку, инженерные услуги, оборудование и энергообеспечение. В образовании интерес связан с подготовкой специалистов для проектов, поскольку дефицит квалификации во многих случаях непосредственно ограничивает глубину локализации.

Российская стратегия поэтому не должна стремиться воспроизвести модель присутствия других внешних инвесторов. Китайские компании во многих странах опираются на масштабные инфраструктурные и производственные цепочки. Государства Персидского залива активно инвестируют в логистику, энергетику и недвижимость. Западные компании сохраняют позиции в добыче, финансах и услугах. России рациональнее концентрировать капитал там, где технологическая компетенция соединяется с уже существующим торговым потоком или гарантированным долгосрочным спросом.

ТАБЛИЦА 5. МОДЕЛИ ПРИСУТСТВИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Тип проекта	Подходящий профиль	Рациональная форма входа	Условие перехода к следующей стадии	Основной риск
Поставка оборудования или товара	крупный рынок	экспорт + дистрибуция	устойчивый объем продаж	курс и стоимость логистики
Сложное оборудование	крупный рынок, промышленная площадка	экспорт + склад + сервис	достаточный парк техники	отсутствие местного обслуживания
Сборочное производство	крупный рынок, ОЭЗ, региональный узел	собственное предприятие или партнерство	экономия на логистике и тарифах	слабая сеть поставщиков
Агропромышленный проект	аграрный контур	поставка + сервис + переработка	устойчивое сырье и сбыт	вода, сезонность, хранение
Добывающий проект	ресурсно-индустриальный контур	лицензия, СП или инженерное участие	подтвержденные запасы и инфраструктура	геология, регулирование, CAPEX
Энергетика и инфраструктура	инфраструктурный рынок	межгосударственный или долгосрочный контракт	подтвержденное финансирование	долговая устойчивость заказчика
Цифровой и образовательный проект	технологический узел	партнерство, локальный офис	масштабируемость на соседние рынки	ограниченный первоначальный спрос

Источник: составлено авторами

Российскому бизнесу следует выбирать не страну как абстрактный объект вложений, а последовательность развития конкретного проекта. Экспорт позволяет проверить спрос. Сервис создает устойчивость отношений. Локализация становится оправданной после появления масштаба. Капиталоемкий объект должен начинаться только там, где подтверждены ресурс, инфраструктура, финансирование и механизм возврата капитала.

РЕЗЮМЕ
РАЗДЕЛА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ОТ ВЫБОРА СТРАНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО КОНТУРА

7

Африканский инвестиционный рынок нельзя корректно представить вертикальным списком государств. Континент состоит из пересекающихся рынков, портовых систем, транспортных коридоров, ресурсных районов, агропромышленных территорий, специальных экономических зон и центров услуг. Их экономическая ценность зависит от вида проекта.

Крупное население создает масштаб, но требует платежеспособного спроса. Порт создает доступ к морю, но нуждается в дороге и таможне. Местоорождение создает ресурсную возможность, но становится активом только после разведки, лицензирования, энергоснабжения и транспорта. ОЭЗ сокращает часть административных и инфраструктурных затрат, но не заменяет поставщиков, кадры и рынок. AfCFTA расширяет потенциальную географию продаж, но еще не устраняет фактические различия между национальными системами.

Поэтому первый выбор инвестора должен происходить не между Нигерией, Египтом, Кенией, Эфиопией, Замбией или Марокко. Сначала определяется экономическая функция будущего проекта. Нужен ли крупный внутренний рынок, экспортный порт, доступ к сырью, площадка для сборки, региональный центр услуг или агропромышленная база. После этого формируется ограниченный круг территорий, где необходимое сочетание условий действительно существует.

Для российского бизнеса особенно важна последовательность углубления присутствия. Там, где уже имеется устойчивый экспортный поток, следующий шаг может состоять в сервисной инфраструктуре и подготовке кадров. Там, где сервис и продажи достигают достаточного масштаба, появляется основание для сборки или производства. В ресурсных и инфраструктурных проектах последовательность начинается с независимой проверки сырьевой базы, права, логистики и финансирования.

В результате инвестиционную привлекательность Африки следует понимать не как свойство государства вообще, а как совместимость конкретной территории с экономикой конкретного проекта. Такая постановка позволяет одновременно учитывать масштаб возможностей, не игнорировать ограничения и не подменять инвестиционный анализ рейтингом стран. Инвестиционный контур определяется не только соответствием территории конкретному проекту, но и условиями контроля над капиталом и доходами. Существенное значение имеют возможность вывоза прибыли, структура собственности, распределение рентных доходов и зависимость от внешних центров принятия решений.

- [1] UN Trade and Development (UNCTAD). World Investment Report 2026. International Investment in a Turbulent Era. Geneva, 2026. Региональный материал по Африке от 7 июля 2026 г. <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2026-international-investment-turbulent-era>
- [2] African Development Bank. African Economic Outlook 2026. Abidjan, 2026. <https://www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-economic-outlook>
- [3] African Union. Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area. Adopted 21 March 2018, entered into force 22 May 2019. <https://au.int/en/treaties/agreement-establishing-african-continental-free-trade-area>
- [4] African Union. Protocol to the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area on Investment. Adopted 19 February 2023. <https://au.int/en/treaties/protocol-agreement-establishing-african-continental-free-trade-area-investment>
- [5] World Bank. Business Ready 2025. Washington, DC, 2025. <https://www.worldbank.org/en/businessready/publications>
- [6] World Bank. Connecting to Compete 2023. Trade Logistics in an Uncertain Global Economy. Logistics Performance Index. Washington, DC, 2023. <https://lpi.worldbank.org/>
- [7] UNCTAD. Liner Shipping Connectivity Index. UNCTAD Data Hub, данные обновлены в 2026 г. <https://unctadstat.unctad.org/>
- [8] Tanger Med Port Authority. Port Activity Report in 2025. 2 February 2026. <https://www.tangermed.ma/wp-content/uploads/press-releases/2026/CP-TMPA-PORT-ACTIVITY-REPORT-IN-2025.pdf>
- [9] Kenya Ports Authority. Port of Mombasa. Официальные материалы администрации порта. <https://www.kpa.co.ke/>
- [10] Nigerian Ports Authority. NPA Handbook 2024/2025. Lekki Deep Sea Port. Lagos, 2025. <https://nigerianports.gov.ng/lekki/>
- [11] FAO. AQUASTAT – FAO’s Global Information System on Water and Agriculture. Данные и методические материалы, 2026. <https://www.fao.org/aquastat/>
- [12] International Monetary Fund. IMF Executive Board Concludes 2026 Article IV Consultation with Nigeria. 9 June 2026. <https://www.imf.org/en/news/articles/2026/06/09/pr26190-nigeria-imf-executive-board-concludes-2026-article-iv-consultation-with-nigeria>

- [13] International Monetary Fund. The Federal Democratic Republic of Ethiopia. Fifth Review Under the Extended Credit Facility Arrangement. IMF Country Report No. 26/174, July 2026. <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2026/174/article-A001-en.xml>
- [14] International Monetary Fund. Mati A., Korniyenko Y. Resilience Under Pressure. Egypt's Economy Defied Expectations. 21 September 2026. <https://www.imf.org/en/news/articles/2026/09/21/cf-resilience-under-pressure-egypts-economy-defied-expectations>
- [15] International Energy Agency. World Energy Investment 2025. Africa. Paris, 2025. <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025/africa>
- [16] Nabena D., Eze C., Rowe C., Mohammed A.M., Oni A.A. Education Sector Expenditure and Institutional Review. A Sub-National Report. Abuja, Nigeria Governors' Forum Publishing, 2024
- [17] UNICEF Nigeria. Nigeria Education Fact Sheets. Analyses for Learning and Equity Using MICS Data. April 2024. <https://www.unicef.org/nigeria/reports/nigeria-education-fact-sheets>
- [18] UNESCO, African Union, UNICEF. Transforming Learning and Skills Development in Africa. 2nd Continental Report. Paris, 2025. <https://www.unesco.org/en/articles/transforming-learning-and-skills-development-africa-2nd-continental-report>
- [19] U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries 2026. Reston, VA, 2026. DOI 10.3133/mcs2026. <https://www.usgs.gov/publications/mineral-commodity-summaries-2026>
- [20] U.S. Geological Survey. Congo (Kinshasa). 2024 Minerals Yearbook Country Chapter, data published in 2026. <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/congo-kinshasa>
- [21] U.S. Geological Survey. Zambia. 2024 Minerals Yearbook Country Chapter, data published in 2026. <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/zambia>
- [22] U.S. Geological Survey. Guinea. 2024 Minerals Yearbook Country Chapter, data published in 2026. <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/guinea>

- [23] U.S. Geological Survey. Namibia. 2024 Minerals Yearbook Country Chapter, data published in 2026. <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/namibia>
- [24] U.S. Geological Survey. Nigeria. 2024 Minerals Yearbook Country Chapter, data published in 2026. <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/nigeria>
- [25] Industrial Parks Development Corporation of Ethiopia. Материалы по Bole Lemi, Adama и Debre Birhan Special Economic Zones. <https://www.ipdc.gov.et/>
- [26] Amalitinga Abagna M. Special Economic Zones and Local Economic Activities in Ethiopia // Review of World Economics. Published 30 July 2025. DOI 10.1007/s10290-025-00598-0
- [27] Nigeria Export Processing Zones Authority. Official data on free zones and zone enterprises. <https://nepza.gov.ng/>
- [28] Konza Technopolis Development Authority. Kenya Signs a Financing Agreement with Republic of Korea for the Development of a Digital Media City at Konza Technopolis. 2024. <https://konza.go.ke/kenya-signs-a-financing-agreement-with-republic-of-korea-for-the-development-of-a-digital-media-city-at-konza-technopolis/>
- [29] Свиридов В. Ю., Андреева Т. А. Российские удобрения как элемент укрепления продовольственного суверенитета Африки // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2 (67). С. 170–185. DOI 10.31132/2412-5717-2024-67-2-170-185
- [30] Oruonye E.D., Ahmed Y.M. Challenges and Prospects of Mining of Solid Mineral Resources in Taraba State, Nigeria // International Research Journal of Public and Environmental Health. 2018. Vol. 5, No. 1. P. 1–7
- [31] Гвилия Н. А., Адуссиба К. Б. Логистика как драйвер развития торгово-экономического сотрудничества «Россия – Африка» // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 4. С. 75–81. DOI 10.24143/2073-5537-2023-4-75-81
- [32] Ельджарова Э. Э., Кушниренко А. К. Проблемы и перспективы Российско-египетского стратегического сотрудничества // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 6. С. 22–30. DOI 10.24412/2072-8042-2024-6-22-30

- [33] Nuclear Power Plants Authority of Egypt, State Information Service of Egypt. Официальные материалы о ходе строительства АЭС «Эль-Дабба», 2022–2026 гг. <https://nppa.gov.eg/>
- [34] International Trade Centre. Ethiopian Coffee Farmers Take Digital Leap With New Planning System. 2024. <https://www.intracen.org/news-and-events/news/ethiopian-coffee-farmers-take-digital-leap-with-new-planning-system>

ПАВЕЛ СЕЛЕЗНЕВ

д. полит. н., профессор, декан факультета международных экономических отношений Финансового университета при правительстве РФ, заместитель председателя общественного совета при Федеральном казначействе

ИРИНА АБАНИНА

к. э. н., доцент, доцент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений Финансового университета при правительстве РФ

МАРИНА АЛЬПИДОВСКАЯ

д. э. н., профессор, профессор кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений Финансового университета при правительстве РФ

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ

к. э. н., доцент, заместитель заведующего кафедрой экономической теории факультета международных экономических отношений Финансового университета при правительстве РФ

ЛАНА САМАРИНА

к. э. н., доцент факультета креативных индустрий Института медиа НИУ ВШЭ, первый заместитель главного редактора издания «Ведомости»

2026